

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации
Елены Владимировны Желтовой на тему "Латинский морфосинтаксис в
типологической перспективе: взаимодействие языковых измерений и
динамика поверхностных структур", представленной на соискание ученой
степени доктора филологических наук по научной специальности
5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.
(Санкт-Петербург, 2022. 366 страниц, библиография 467 номеров)

Диссертация посвящена узловым вопросам интерпретации грамматики латинского языка, рассмотренным с позиций лингвистической типологии. Сразу подчеркну, что индоевропейские языки не являются собранием наиболее частотных лингвистических особенностей, поэтому приходится данные типологии применять с осторожностью. Эти опасности Е. В. Желтова чувствует очень хорошо, поэтому ее сопоставления всегда деликатны.

Работа выстроена логично: после краткого, но содержательного Введения (с. 7–19) автор переходит к рассмотрению проблем в описании латинской падежной системы в целом (Глава 1, с. 20–51), отдельно освещает проблемы, возникающие при описании системы латинских местоимений (Глава 2, с. 52–95), проблемы в описании категорий рода и одушевленности (Глава 3, с. 96–150). Неноминативность и иерархия одушевленности в латинском языке: кумулятивность синтаксических структур (Глава 4, с. 151–181) знаменует переход в большей степени к синтаксису. Рассмотрение синтаксических структур продолжается в главе 5. Актантная структура латинских трехвалентных глаголов: конкуренция парадигматических измерений (с. 182–225). Отдельно изучается Лингвистика *ad hominem*: субъективность в языке (Глава 6, с. 226–324). Итог исследованию подводит Заключение (с. 325–330).

Исследование строится логично и убедительно по выводам. Новые подходы и новые интерпретации материала, а также общий взгляд на особенности латинской языковой системы и ее функционирования позволили автору сделать множество интересных наблюдений.

Полученные Е. В. Желтовой результаты мне представляются исключительно важными, но их много, поэтому я сосредоточу внимание только на тех из них, которые мне представляются не до конца доказанными.

Не знаю, как проверить одушевленность женского рода в русском языке, поэтому не уверен, что "латинский язык гораздо "одушевленнее" русского".

Вообще на этих страницах (147–148) мне не хватило ссылки на А. В. Бондарко и вышедший под его редакцией том, посвященный естественным категориям в языке. Собственно то, что мы здесь видим, в плане общего языкознания представляет собой именно удачную попытку рассмотреть естественные категории в латинском языке.

Автор бесстрашно рассматривает такие неразрешимые вопросы как характеристика рода – то, что относится к логике языка и что плохо поддается описанию в рамках формальной логики. Здесь очень важно, с моей точки зрения, предпринятое Е. В. Желтовой рассмотрение взаимодействия категории рода и одушевленности.

Мне показались особенно интересными рассуждения про *vulgus*, про войско и синонимы (с. 141), а также – замечание, что отдельно взятая птица неодушевленная, а стая птиц (не случайно перелетная стая – *agmen*) одушевленная. Точно также волне верю, что гуси, которые Рим спасли, одушевленные, а отдельный гусь, самостоятельно Рим не спасавший – неодушевленный. Кое-где мы сталкиваемся с общими представлениями: "наше войско (во)одушевленное, а враги – безликая масса", ср. определение врагов "как субстанции для приложения (нашей) воинской доблести и получения славы" в речи Камилла Liv. 6 7 3: *hostis est quid aliud quam perpetua materia uirtutis gloriaeque uestrae?* При таком подходе враги по определению не только не могут быть одушевленными, но даже сразу оказываются инактивными, поскольку они просто *perpetua materia*.

Одновременно с этим Е. В. Желтова убедительно показала, что имена среднего рода *agmen*, *collegium*, *vulgus* и *genus* ведут себя как свойственно именам, обладающим категорией одушевленности. Е. В. Желтова полагает, "что латынь допускает нарушение корреляции между одушевленностью и грамматическим родом ради генерализации (в случае с *collegium* и *vulgus*) или категоризации (в случае с *genus*), поскольку потенциал для обобщения и абстрагирования ингерентен среднему роду в значительно большей степени, чем женскому или мужскому".

Я не стал бы настаивать именно на генерализации, чтобы не получилось, что от одушевленности всегда можно отказаться ради обобщения. Мне кажется, что следует интерпретировать этот материал несколько иначе, может быть даже отказавшись от самого термина (*anima* 'душа' – *animal* неодушевленное 'животное'). Я бы на основании примеров, подобных *exercitus* (которому полностью соответствует мн. число *legiones* и *cohortes*), а также *agmen*, *collegium*, *vulgus* и *genus*, определил грамматическую одушевленность как категорию, выражающую "общую способность к осмысленному (имеющему свою цель) действию, которое можно наблюдать". Мне представляется, что в диссертации содержится новый и многообещающий взгляд на категорию одушевленности вообще: отдельный муравей – насекомое (неодушевленное), а муравьиное перемещение строем приобретает характеристики одушевленности. Одушевленность змеи может рассматриваться в контексте древнего Средиземноморья, где имеются следы обожествлённости едва ли не во всех культурах (греческой, начиная с крито-микенской, египетской). К этому же кругу представлений относится и змеиная мудрость (Мф. 10:16 "будите убо мудры яко змия" – "итак, будьте мудры, как змии"). Отдельно стоящая змеиная одушевленность вписывается в общий культурный контекст и

кажется в этих условиях логичной.

Мне показалось любопытным отсутствие примет одушевленности у слова *mare*, но я решил проверить, нет ли таких примеров для *aequor*, и как кажется, нашел по крайней мере один – со скалой, которую "скрывает море своим движением":

(Perseus) ... *conspexit scopulum, qui vertice summo
stantibus exstat aquis, operitur ab aequore moto.* (Ovid. *Metam.* 4, 732).

Представляется, что слово *aequor* можно включить в таблицу 3.7 наряду с рекой: божества рек, как и морские божества, подкрепляют такое толкование. Добавлю еще, что поскольку римская культура включала в себя обожествление действий, было бы интересно проверить, нет ли примеров в текстах на одушевленность обожествленного действия.

Еще одну важную проблему представляет собой порядок членов предложения, который отражает аргументную структуру латинского глагола. Исследуя взаимное расположение темы и реципиента, Е. В. Желтова приходит к выводу, что наблюдаемый порядок (варьирование порядка слов) определяет конкуренция между семантико-ролевым (т. е. грамматическим), прагматическим и дейктико-денотативным измерениями.

Подсчеты, проведенные на основании текстов Цицерона, Цезаря и Саллюстия показали, что порядок слов с выдвинутым вперед личным местоимением является преобладающим (с. 214), а порядок, при котором прямое дополнение предшествует косвенному при трехвалентных глаголах, определяется "исключительно семантическими ролями пациенса и реципиента, а не свойствами денотата" (с. 218).

Литература используется не только по узкой проблематике (труды О. Спеквак и др.), но привлекаются к рассмотрению работы разного времени и разных направлений. Может быть среди тех, кто использовал достижения других наук при рассмотрении грамматики древнегреческого и латинского языков, стоило бы упомянуть и книгу Пауля Кауэра (P. Cauer. *Grammatica militans. Erfahrungen und Wünsche im Gebiete des lateinischen und griechischen Unterrichtes.* 3. Aufl. Berlin, 1912), а также Лосев А. Ф. *Языковая структура.* М., 1983, в которой на С. 142 автор замечает: "мы склонны придавать категории языковой валентности очень большое значение для построения всего общего языкознания". Такой взгляд из латинского языка на общее языкознание созвучен взгляду диссертанта.

Мне симпатично использование трудов В. А. Плунгяна, Т. Гивона, книгу покойной М. В. Русаковой, которую сейчас цитируют нечасто, но которая сыграла важнейшую роль в привлечении внимания к антропной лингвистике. Отмечу отдельно живую полемику с М. А. Таривердиевой (с. 260), где Е. В. Желтова справедливо настаивает на необходимости интерпретировать пример из Плиния Старшего (*Delphini tanta vi exsiliunt, ut plerumque vela navium transvolent.* (Plin. *HN* 9, 7, 20) 'Дельфины выпрыгивают из воды с такой силой, что зачастую перелетают через паруса кораблей') как входящий в семантическую сферу ирреалиса.

Важны наблюдения над эвиденциальностью в латинском языке, где мне не хватило (наряду с указанием на труды Н. А. Козинцевой) на работы по албанскому языку, для которого впервые был применен термин адмиратив для пресказывательного наклонения: упомянут Фридман, но нет указания на статью А. П. Сытова, который впервые сформулировал оттенок неожиданности: "оказывается". Подробно используется статья В. С. Храковского 2007 г., который высоко оценил наблюдение Сытова и ввел его в более широкий типологический оборот. Анализ примеров с *ecce tibi* "и тут на тебе" (с. 134) хорошо демонстрирует миративность в латинском языке. Также удачно показано парентетическое употребление лат. *faхо*, хотя мне трудно принять переход этой глагольной формы в наречие (с. 297): я бы скорее думал о частице, подобной рус. *вишь, ишь* и т. д., что автор и сама формулирует в на той же странице, но только в примечании.

Этот раздел, посвященный эвиденциальности мне представляется исключительно интересным и ценным, в том числе в той части, которая касается результативного перфекта. Я не побоялся бы реконструировать эту категорию уже для индоевропейского праязыка с тем же значением додуманного действия, о котором мы судим только по результату (древнеиндийский перфект с этой точки зрения на материале корпуса TITUS исследовал Й. Гипперт). Греческий глагол *πίπτω* 'падать' в перфекте имеет форму *πέπτωκα* 'я лежу в результате падения'. Результат падения может быть прослежен в предыстории (все видели как падал), может ограничиваться результатом: раз человек лежит в неполюженном месте, скорее всего это результат падения.

В обширной работе не может быть спорных или недостаточно продуманных формулировок. В работе Е. В. Желтовой таких случаев, как и опечаток, очень немного.

Предметом для дискуссии может послужить интерпретация С. 93. (22) (*Lycurgus*) *iureiurando obligat civitatem nihil eos de eius legibus mutaturos priusquam reverteretur* (Justin. 3, 3, 11) 'Ликург связал сограждан клятвой, что они не изменят ничего из его законов, пока он не вернется.' Как пишет Е. В. Желтова: "Мы ожидали бы увидеть *de suis legibus* в соответствии со сформулированным нами правилом о контроле темы и фокусе эмпатии, но очевидно, что в позднем языке оно уже не действует или, по крайней мере, действует нерегулярно". С моей точки зрения это невозможно, поскольку не случайно предлагаемые законы носят имя предложившего письменные формулировки (Хамураби, Ликурги, Солоны...). Какие-то законы существовали и до этих законодателей, поэтому формулировка *de suis legibus* просто указывала бы на традиционные до-Ликурговы установления, которые были (законодательные тексты восстанавливаются как праиндоевропейские), поэтому специально нужно было подчеркнуть связь с Ликургом, а не с носителями предшествующей спартанской традиции.

На с. 114 слишком прямолинейно заявлено: "в праиндоевропейском, где генезис мужского и женского рода мог совпасть с зарождением

скотоводства". Прямой связи здесь нет, более того, представления о Матери-земле и оплодотворяющих потоках дождя, противопоставление не стоит жестко связывать с появлением производящего хозяйства.

Не трудно заметить, что в отзыве перечисляются мелкие замечания. Не трудно видеть, что их очень немного. Зато в отзыв попали общие соображения, на которые это глубокое, интересное и самостоятельное исследование наталкивает читателя. Я буду просить в окончательную формулировку включить настоятельную рекомендацию Ректорату СПбГУ включить немедленно диссертацию в план редакционно-издательской подготовки в издательстве СПбГУ. В конце защиты я этот вопрос поставлю на голосование.

Как можно видеть, рассматриваемая диссертация представляет собой законченное теоретическое исследование, основанное на большом корпусе латинских текстов, к анализу которых автор подходит с безупречным использованием разнообразных и хорошо проверенных методов лингвистической типологии. Замечания по тексту диссертации, как можно видеть, ни в коей мере не затрагивают основных положений работы.

Диссертационное исследование Елены Владимировны Желтовой на тему: «Латинский морфосинтаксис в типологической перспективе: взаимодействие языковых измерений и динамика поверхностных структур» заслуживает самой высокой оценки и полностью соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19 ноября 2021 года № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Елена Владимировна Желтова заслуживает ученой степени доктора филологических наук по научной специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета
научный руководитель ИЛИ РАН,
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего языкознания имени Л. А. Вербицкой
филологического факультета СПбГУ,
академик РАН

Н. Н. Казанский

29.08.2022 г.